

Португалия в русской поэзии XVIII–XX веков

Polina Poberezkina

Независимый исследователь
Киев, Украина – Магдебург, Германия
Independent researcher
Kyiv, Ukraine – Magdeburg, Germany
E-mail: ppoberezkina@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-5996-761X>

Резюме. В статье, представляющей собой результат работы над одноименной антологией, исследуется одна из наименее изученных областей русской поэтической географии. Прослеживается путь от опосредованного восприятия через другие европейские литературы к оригинальным лирическим travelогам; сопоставляется образ Португалии в советской и эмигрантской поэзии. Анализируются главные португальские локусы и герои в русских стихах: Лиссабон, Азорские острова, Л. ди Камões, В. да Гама, Ф. Магеллан.

Ключевые слова: Камões, Португалия, русская поэзия, сравнительное литературоведение, travelог.

Portugal in the 18th–20th centuries Russian poetry

Abstract. The article, which is the result of work on the self-titled anthology, examines one of the least studied areas of Russian poetic geography. The author explores the path from indirect reception through other European literatures to original lyrical travelogues and compares the image of Portugal in Soviet and émigré poetry. The main Portuguese loci and heroes of Russian poems, such as Lisbon, the Azores, L. de Camões, V. da Gama, F. Magellan, are analyzed.

Keywords: Camões, comparative literature, Portugal, Russian poetry, travelogue.

Portugalija XVIII–XX a. rusų poezijoje

Santrauka. Straipsnyje, kuriame pristatytas darbo rezultatas rengiant to paties pavadinimo antologiją, nagrinėjama viena iš menkiausiai tyrinėtų rusų poetinės geografijos sričių. Jame analizuojama, kaip kito Portugalijos suvokimas, nuo netiesioginio – per kitas europietiškas literatūras – iki originaliųjų lyriinių travelogų; taip pat gretinamas Portugalijos įvaizdis sovietinėje ir emigrantų poezijoje. Analizuojami pagrindiniai portugalų lokusai ir herojai rusų eilėraščiuose: Lisabona, Azorų salos, L. de Camõesas, V. da Gama, F. Magelanas.

Reikšminiai žodžiai: Camõesas, Portugalija, rusų poezija, komparatyvistinė literatūrologija, travelogas.

В современной сравнительной русистике прослеживается устойчивый интерес к «поэтике географии» и ее частному аспекту: стиховой рецепции европейских локусов – стран (например, Испании, Италии, Финляндии) и отдельных городов (Рима, Флоренции, Венеции, Амстердама, Вильнюса и др.). Одним из наименее исследованных участков на этой литературной карте остается Португалия.

Received: 15/05/2023. **Accepted:** 23/08/2023

Copyright © 2023 Polina Poberezkina. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

В начале прошлого столетия О. Лещинский напечатал в Париже строки «Нас принимают все за португальцев, / Мы говорим на русском языке...» («Есть бар у Монпарнасского вокзала...»). «Зеркальный» ответ прозвучал из Германии, в «Курортном» Саши Черного: «“Вы ведь русский?” – Португалец». Оставляя без ответа гадательный вопрос, какие факторы (фонетические, этнопсихологические либо иные) вызвали сближение жителей западной и восточной оконечностей Европы, заметим, что оба процитированных текста демонстрируют важную особенность образа Португалии в русской поэзии – посредничество других европейских культур.

Освоение Португалии в русской литературе XVIII–XIX вв. происходило через английскую, французскую, немецкую. Даже слово «португальский» в заглавии не гарантировало прямого пути: «Португальская песня», или «Подражание португальскому», в переводе П. Вяземского, И. Козлова и М. Михайлова имела подзаголовок «Из Байрона», а пушкинское «С португальского» – вольный перевод лиры Т. Гонзаги, выполненный, по-видимому, с французского (Андреев, 2004а)¹. С подзаголовком «С португальского», но без указания автора, был опубликован в «Подорожнике» А. Ахматовой перевод эпиграфы «Заре» А. ди Кентала, сделанный по подстрочнику Г. Лозинского (Лозинский, 1922).

«Книжное» восприятие Португалии отразилось, прежде всего, в Камониане. Рецепция биографии и творчества Л. ди Камознса в русской литературе явилась предметом полувековых научных исследований² и легла в основу антологии, содержащей фрагменты произведений разных жанров (Балашова, 2002)³. От работы Б. Л. Канделя (Kandel, 1970, p. 531) идет представление об этапах восприятия произведений Камознса в свете актуальных задач русской литературы: становления жанра эпической поэмы в XVIII в., формирования романтического образа поэта-гражданина в XIX, и лишь в XX-м – как памятников португальской культуры, представляющих историко-литературный интерес. Думается, эта концепция частично применима и к другим знакам Португалии в русской поэзии. Так в героической поэме М. Ломоносова «Петр Великий» «отважный Гама» и Ф. Магеллан – предшественники «колумбов Росских», а в «Оде государыне императрице Екатерине Второй...» А. Сумарокова воюющая с Турцией Россия метафорически уподоблена попирающей «гордый океан» Пику, «горе от молнии спасенной и выше облак вознесенной».

Вместе с тем, в XVIII в. возник прецедент непосредственной русско-португальской поэтической реакции – отклик на приезд донна Ж. К. ди Брагансы, который прожил в России пять лет и был принят при дворе Екатерины II. Хотя «Стихи Дюку Браганцы» Сумарокова начинаются традиционным перечислением европейских классиков («Виргилий, и Гомер, и Ариост, и Тасс, Мильтон и Камоенс»), абстрактные юг и север сменяются сопоставлением двух конкретных стран и народов:

¹ Впоследствии эпиграф из этого стихотворения был предпослан «Размолвке» Вяч. Иванова.

² Обзор темы и библиография даны в энциклопедической статье (Khoklova, 2011).

³ Учитывая материалы, собранные Т. В. Балашовой, заметим, что поэтический корпус может быть существенно расширен.

*Светило солнце то ж, которо зрим и днесь,
И в Португалии и здесь.
Такие ж люди мы над Бельтскими реками,
С такой же головой, с ногами и с руками.
Такие ж души и у нас,
Какие и у вас...⁴*

Камозэн стал известен в России в ореоле биографического мифа (Овчаренко, 2018), сохранявшего актуальность с начала XIX (Андреев, 2004б) вплоть до последней трети XX в. Два текста русской Камонианы породили долгое эхо: «Камозэнс» В. Жуковского (драматическое стихотворение Ф. Хальма в переводе П. Ободовского не имело такого влияния) и «Сонет» А. Пушкина. Формульная финальная строка драматической поэмы, принадлежащая Жуковскому, а не Камозэнсу или Хальму, вызвала в начале XX в. филиппику К. Фофанова «Поэзия – Бог» и эпитафию Игоря Северянина «На смерть Фофанова», а в середине 1970-х Е. Рейн предварил его поэму «Кабинет» и резюмировал:

*«Поэзия есть Бог в святых мечтах земли».
И прав
Василь Андреевич Жуковский,
который это написал в поэме «Камозэнс»...*

Сонет Пушкина стал привычным атрибутом сочинений об этой поэтической форме и эпиграфом к двум стихотворениям – «Камозэнсу» А. Землянского и «У гробницы Камозэнса» С. Баренца, – соединив русского и португальского «первых поэтов». Но лишь в последней трети XX в. книжные сведения расширились за счет личных впечатлений от монастыря Жеронимуш: «К мраморной, мрачной, высокой гробнице / Русский поэт подошел – поклониться» (И. Чиннов).

Уникальный эпизод русско-португальского культурного диалога представляет собой творчество В. Перелешина, почти сорок лет прожившего в Рио-де-Жанейро и лирически осмыслившего свой межъязыковой опыт:

*и нынче я со словарем
Пишу стихи по-португальски.
(«Воздух»)
Кто сказал, что планета – не дом,
что чужбина – иной материк,
что не может родным языком
зазвучать португальский язык?
(«Кто сказал – от большого ума...»)
Мне служит взамен рифмология
португальский словарик тщедушный...
(«Трепет латинского паруса...»)
Стихи пишу без ошибок
По-португальски я.
(«В Бразилии»)*

⁴ Обратный случай поэтической дипломатии спустя полвека – англоязычное стихотворение «Ивану Козлову» И. да Круз Геррейру, сына министра Португалии в Петербурге, переведенное на русский, возможно, самим адресатом (Козлов, 1960, с. 437, 489–490; Мрочковская-Балашова, 2011, с. 143–145).

Перелешин писал Чиннову 30 октября 1980 г.: «Может быть, и вправду стану двуязычным поэтом? Это было бы еще одним *первым*: “завоевал” я для русской музыки Китай и Бразилию как переводчик и как эмигрант, но уверен, что никто до меня из русских поэтов – не писал стихов на языке Камознса и Фернандо Пессоа» (Перелешин, 2003, с. 650). Перелешин не был в Португалии, и, в отличие от Бразилии, она встречается в его творчестве эпизодически. Однако он писал и публиковал стихи по-португальски, переводил на португальский и с португальского и, насколько мог, следил за русскими изданиями португальской поэзии. Неудивительно потому, что в его лирике неоднократно упомянут Камознс, которого он тоже переводил (см. «Хвалу переводам») и с которым сравнивал свою судьбу и эпоху («Гостья», «Пустяк», «Вавилон и Сион»). А Пессоа, коего Перелешин считал гениальным и не имеющим равных в португальской литературе XX в. (Перелешин, 1975, с. 292–293), посвящен сонет «Утешение».

Другой случай восприятия португальского языка и культуры через Бразилию – В. де Пайва Перейра Гарднер, в чьей ранней лирике содержались попытки осмысления собственного происхождения:

*Потомки грандов мы. По руслу вен лиловых
Перэра-Нуньи кровь багровая течет.*

[...]

*Дон-Педро доблестный десницею державной
Главу моей семьи в младенчестве ласкал...*

(«Генеалогические октавы»)

Многочисленных душ причудливы тиары.

Сродни мне: мир славян загадочный, как сон;

– Страна, где труд кипит, как пена Ниагары,

– Де-Гамы колыбель, всесветный Альбион.

(«Тиары души»)

Дальнейшая жизнь поэта была связана с Финляндией, и португальско-бразильская родословная не оставила значительного следа в его литературной идентичности.

«Де-Гамы колыбель» в автобиографическом стихотворении Гарднера (в отличие от метафорического «хмеля Васко да Гама», приписанного О. Николаевой испанцам в «Испанских письмах») означает Португалию. Да Гама стал национальным символом благодаря «Лузиадам», и в этой роли в русском стиховом корпусе его имя соседствует с Камознсом: в оде В. Петрова, драматической поэме В. Жуковского, стихотворениях И. Чиннова и А. Городницкого о расположенных рядом гробницах мореплавателя и поэта. Однако чаще он назван в ряду первооткрывателей, как в «Духе века» А. Майкова («Мои питомцы удалые / Колумб, де Гама, Кук, Ченслор») или «Нептуне» И. Киреевского и Н. Языкова:

Про Колумба, Магеллана

Про де-Гаму и других,

Всех героев океана,

Знаменитых и простых.

Неудивительно, что наиболее полный список капитанов находим у Н. Гумилева, который сам был путешественником⁵ и ввел в русскую поэзию еще двух героев Португалии – Л. ди Кадамошту (А. Кадамосто, «князь Сенегамбий») и Б. Диаша: «“Путь на юг? Там был уже Диас!”... / – Да, но кто слышал его рассказ?..»⁶.

Значительно большей популярностью в русской, а особенно советской, поэзии отличался Магеллан. Уже в «Письме о пользе Стекла» Ломоносова кругосветное путешествие получило стиховое отражение в рифмопаре «Магеллан–океан», повторенной затем в разных падежах И. Киреевским и Н. Языковым, В. Бенедиктовым, В. Брюсовым, Е. Долматовским, Ю. Кимом, Л. Абдуллиной, В. Перелешиним. Впрочем, у Ломоносова была и другая рифма, «Магеллан–стран». В дальнейшем разнообразие росло за счет неточных и, вероятно, достигло предела в окказиональном прилагательном В. Высоцкого «магелланский» (при общепринятых «Магеллановом маршруте» Г. Горбовского и «Магеллановом проливе» Ю. Кима). Расширялась и семантика: от «сурового морехода», «мореплавателя отважного» (смыслового ядра образа) до универсального первооткрывателя – на суше («Черский» В. Шаламова, «Репортаж с открытия ГЭС» А. Вознесенского), в космосе («Ровесникам» А. Петренко) или в любви («Первая треть» П. Когана). Из трех десятков русских поэтических текстов, в которых упомянут Магеллан, лишь несколько обращены к его биографии. Это пересказ детской книги о его жизни в песне Л. Абдуллиной, описание подготовки к кругосветному плаванию в стихотворении Т. Галушко, образ его спутника и автора «Отчета о первом путешествии вокруг света» А. Пигафетты у Б. Лапина и Г. Поженяна и «Баллада о могиле Магеллана» Е. Долматовского (единственное известное нам произведение русской поэзии, воспевающее не знаменитого мореплавателя, а его убийцу). Русская поэзия не помнила о португальском происхождении Магеллана и в большинстве случаев не интересовалась его национальной принадлежностью. Если да Гама благодаря Камюэнсу воспринимался как национальный герой Португалии, то Магеллан был общим символом географических открытий.

Закономерно, что образы португальцев в русской поэзии включают в себя «знаменитых и простых» моряков: в произведениях И. Бем («Ты шел дерзновенной эмблемой отваги...»), В. Эллиса («Португальцы в Новом Орлеане»), С. Прегель («Про дельфина»), Е. Долматовского («Возвращение сына», «Матрос Феррейра»), Т. Фесенко («Vinho verde»), И. Бродского («Открытка из Лиссабона»), Б. Кенжева («Послания»). Кроме того, Португалия упоминается в «морских рассказах» (С. Маковский, А. Лебедев) и «пиратских песнях» (Н. Болеслис, А. Городницкий). Подобно тому как российские документальные свидетельства о далекой стране исходили от моряков (Милязеш, 2012б, с. 11–23), в советской поэзии образ Пор-

⁵ Ср. в стихотворении Б. Горнунга «Хлюпали ноги по невидимым лужам...», посвященном его памяти: «И помнилось ясно: Де-Гама, Магеллан... / И в Черчере собственный смелый караван...»

⁶ Х. Колумб – пожалуй, наиболее воспетый в русской словесности открыватель новых земель – прожил в Португалии девять лет и обычно упоминался в одном ряду с португальскими мореплавателями, но тема соперничества, намеченная Гумилевым, была предельно обострена Маяковским: «Любой португалишка даст тебе фору!»

тугалии формировали в том числе офицеры морского флота А. Лебедев, Г. Поженян и океанолог А. Городницкий, чей профессиональный опыт, вероятно, объясняет особый ракурс: внимание к мысу Рока и лейтмотив «края», «конца» земли, суши, континента, материка.

В отличие от морской, «сухопутная» история Португалии представлена в русской поэзии не очень обширно и, в основном, через культуры-посредники. В первую очередь, это переводы Жуковского: испанских романсов из сборника И. Гердера «Сид» и баллады Р. Саути «Королева Урака и пять марокканских мучеников». Романс и баллада были адекватными жанрами для выражения исторического содержания – см. «Португальское романсеро» В. Буренина и уже упомянутые «Дневник Пигафетты» Лапина, «Балладу о могиле Магеллана» Долматовского и «Балладу о брошенном корабле» Высоцкого. Примечателен в этом смысле диалог о жанрах, предваряющий песню о битве при Сантарене в «Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь» В. Печерина:

*Красавица-девица! Арфу настрой,
Балладу, романс или песню пропой!
Эмилия
(строит арфу)
Тра ла ла ла ла ла...
Я знаю балладу из новых времен,
Как с войском Дон Педро вошел в Лиссабон.*

Этот фрагмент демонстрирует, что в литературных кругах 1830-х гг. были в курсе мигелистских войн и российской внешнеполитической позиции: «Дон Мигуэль, король португальский» в шуточном стихотворении Вяземского и Пушкина «Надо помянуть, непременно помянуть надо...», он же «дон Мигель, брат известного дон Педро» и «ведь мы не в союзе с ними» в «Сенсациях и замечаниях госпожи Курдюковой за границею» Мятлева.

В «Инфанте» Д. Кедрина сюжет разворачивался при испанском дворе, но назван лишь еврейский врач «рабби Симха из Гааги», а король Филипп IV, королева Марианна, сама инфанта Маргарита Тереза и «португальский принц наследный» остались безымянными. В сохранившемся фрагменте пьесы Гумилева «Зеленый тюльпан» одно из действующих лиц – лиссабонский купец Хозе Перейра, но место действия – голландский Харлем XVII в. Наконец, в трагедии А. Мариенгофа «Заговор дураков», где изображен российский двор императрицы Анны Иоанновны, безымянный герой упоминал о своем происхождении: «Вот я: еврей из Португалии. / Бежал от иезуитских лап».

Особое место принадлежит событию, проделавшему в русской поэзии путь от современного до исторического: Лиссабонскому землетрясению 1755 г. (Вагеманс, 2002; Шёнле, 2009). В 1757 г. Ломоносов предпринял попытку научного осмысления этой трагедии, вспомнив о «жестокой Лиссабонской судьбине» в «Слове о рождении металлов от трясения земли», а в 1763 г. И. Богданович опубликовал свой перевод

«Поэмы на разрушение Лиссабона в 1755, или рассмотрения аксиомы: *всё – благо*» Вольтера. Землетрясение на столетия ввело португальскую столицу в литературный перечень городов – жертв природных катаклизмов: «Геркулан со знамям и щитами, / Лиссабон с хоругвью и крестами» П. Словцова; «Вот в Португалии весь Лиссабон уничтожен был страшным / Землетрясеньем» Жуковского, переложение рассказа И.-П. Гебеля; «Вода ль, огонь ли – все едино, / Винета, или Лисабон! / Подводный Иомсбург и Помпея!» М. Дмитриева; «Слышим: вновь землетрясения / Зашатали Лиссабон» Ф. Глинки; «И дикой сказкой был для вас провал / И Лиссабона, и Мессины!» А. Блока; «Что Сан-Фриско, Сан-Пьер, Лиссабон, Сиракузы! / Мир потрясся! пансейсм! дым из центра веков!» В. Брюсова; «Монументы событиям, никогда не имевшим места: <...> / Землетрясенью – подчеркивает современник – / народом встреченному с восторгом» И. Бродского.

«Открытие из Лиссабона» Бродского отличается от предшествующих процитированных текстов тем, что написана по личным впечатлениям, и монумент «несостоявшимся кровопролитным войнам» – Кришту Рей – он видел. Лишь каждый пятый из упомянувших Португалию русских поэтов побывал в ней, и оригинальных португальских травелогов в стихах не было до XX в. Одной из первых стала Т. Щепкина-Куперник, романтически описавшая в поэме «Марьянна Болховская» Лиссабон и дворец Пена в Синтре. Тем не менее, созданные ею панорамные виды имеют явный отпечаток литературной традиции, вплоть до прямого названия богини Цитереи и автора «Паломничества Чайльд-Гарольда». Творчество и биография Байрона были значимой линзой, через которую русская поэзия смотрела на Португалию в целом и Лиссабонский регион в частности. Ранее уже упоминалось его стихотворение «С португальского», превратившееся в русских переводах в «Португальскую песню» и «Подражание португальскому»; с именем английского поэта связан и пример наиболее многоступенчатой рецепции – тютчевский перевод отрывка о Байроне из «Венков мертвым» Й.-К. Цедлица: «То мчится бард, беглец родного края, / На встречу солнца, по стихии бурной, / Где Лиссабон, на жарком небе рдея, / Златым венцом объял залив лазурный». Возвращаясь к Щепкиной-Куперник, отметим, что свои впечатления от Португалии она воплотила не только в стихах, но и в прозе – стилизованном рассказе «Инеса ди Кастро» с эпитафией из Камозенса⁷ и реалистическом описании португальской корриды в очерке «Биариц».

Детальным изображением страны русская поэзия обязана эмиграции (Августин, 2006, с. 175–178), причем первое знакомство состоялось во время бегства из оккупированной нацистами Европы в Америку через Лиссабон. Для выходцев из бывшей Российской империи это означало повторную утрату дома, как в стихотворении Г. Лахман «Отъезд»:

⁷ «В Коимбре, там, где Мондего катит свои золотоносные воды и где – наследие арабов – цветут душистые апельсиновые деревья, дающие сразу и серебряные цветы, и золотые плоды в изумрудной листве, стоял в роскошном саду, подобного которому не было во всех четырех королевствах, мраморный дворец» и т. д. (Щепкина-Куперник, 1966, с. 261–274).

Ревут гудки и ранят, как ножи.

*И лезвием отравленным кинжала
В усталом сердце чертят: «Не забудь
Того, чем жизнь былая угрожала,
Далек покой желанного привала,
Не кончился земной и трудный путь».*

Куда ведут скитальческие тропы?

В процитированном тексте Португалия – лишь «берег поруганной Европы», где сами проводы «кажутся насмешкою лукавой» в «закатной мгле» (ср. мотив изгнания, древнего и нового, в идишских стихах М. Шагала, посвященных отплытию из Лиссабона в июне 1941 г.). В отличие от стихотворения Г. Лахман, «город пенно-белый, сбегающий по склонам голубым» С. Прегель окрашен рассветными лучами: даже «ребенок нищей, маленький горбун», продающий ночью билеты лотереи, «видит, как восток струится ранний». Ее Португалия населена не «зеваками», а людьми, живущими своей повседневной жизнью (в «радужной» летней, а не «холодной и кровавой» зимней мгле), но внутренняя тревога повествователя проявляется в эмоциональных характеристиках ландшафта, увиденного, скорее всего, из окна автомобиля: «пастух убогий», «сгорбленная дорога», «без радости», «бесплотные, седые небеса», «уставший смотреть» подсолнечник, «дети, как встревоженные птицы». Трагизм происходящего не позволял беженцам полюбить страну, ставшую промежуточным пунктом их вынужденных скитаний; португальский транзит 1940–1942 гг. – один из наименее изученных эпизодов русской эмиграции, известный, помимо стихов и воспоминаний (Вишняк, 1970, с. 123–127; Прегель, 2018), в основном, по письмам (Грин, 1965, с. 117–118; Современные записки, 2011–2012, т. 1, с. 902–903, 912–913, т. 2, с. 102–119) и американским иммиграционным документам. Между тем во время Второй мировой войны в Лиссабоне сложилась уникальная кросс-культурная ситуация, когда одновременно с местными в городе находились писатели, художники, артисты, музыканты из разных стран, в том числе обладавшие европейской или мировой славой. В СССР, отделенном «железным занавесом» и от русского зарубежья, и от Португалии, об этом сюжете узнавали в 1960-х гг. из романа Ремарка «Ночь в Лиссабоне».

Бытописателем португальской столицы стал Ю. Иваск, посетивший город по собственной воле в 1962 г. и сообщавший Г. Адамовичу, что его «поэтически уязвил и уязвляет Лиссабон»: «Конечно, Лиссабон не Ассизи – ни с чем вообще не сравнимый... где я вдруг понял, что все позволено, но ничего дурного я в данный момент не могу сделать...» (Адамович, 2003, с. 556). Позднее он признавался: «Чувствую себя кровно связанным с Западной Европой и в моих стихах постоянно воспеваю все европейские нации. Как-то даже страстно полюбил малоизвестную русским Португалию, но более всего утвердился в италофильстве» (Глэд, 1991, с. 29). В стихотворениях, включенных в сборники «Хвала» и «Золушка», и поэме «Играющий человек: Номо Ludens» Иваск описал характерные приметы Лиссабона – Тежу,

Алфаму, церковь Санта-Мария-ди-Белен, башню Белен, замок св. Георгия, памятник Жузе I в шлеме с перьями на Праса-ду-Комерсиу, азулежу, трамвай, фаду, Винью верде, бакаляу – и даже фонетические особенности португальского языка. Его цикл «Португалия» из восьми стихотворений 1966–1967 гг. открыл читателю русской поэзии достопримечательности Визеу, Томара, Келуша и Мафры. Упомянутые в тексте реалии снабжены авторскими примечаниями, однако невладение португальским языком обусловило окказиональные транскрипции (Лишбу, Келюж и др.), не получившие распространения. Иваск увидел «Португалию хлеба, вина и веры», и ключевым повторяющимся образом в его португальских стихах стала Психея – прямо названная («Лиссабон», «Фадоз за эшкьюдош», «Играющий человек») или подразумеваемая («Бабочно-крылато, райски-безгрешно» в «Келюже»). Поэтическое изучение Лиссабона в русском зарубежье продолжила Т. Фесенко, подробно описав в стихотворении «Vinho verde» португальскую кухню («Знаменитый суп зеленый, / Пряно пахнущее мясо / И зеленое вино»)⁸ и фаду.

Советские литераторы были командированы в Португалию после революции 25 апреля 1974 г. и восстановления официальных отношений, хотя не обошлось без исключений: в мае 1967 г. по приглашению издательства «Publicações Dom Quixote» приехал выступавший в Испании Е. Евтушенко, чье первое знакомство с режимом Салазара состоялось ранее, во время транзитной остановки в аэропорту Лиссабона (Евтушенко, 1962). Он наблюдал за празднеством в Фатиме, в Лиссабоне провел пресс-конференцию, автограф-сессию, сольное выступление и в Сейшале принял участие в поэтическом вечере⁹. Поэтическим результатом поездки стали книга с пластинкой (Evtuchenko, 1967) и два стихотворения, а также ретроспективное «Воспоминание о Португалии» (более точный вариант названия – «Воспоминание о португальском цензоре»), вызванное «Революцией гвоздик». Из португальской природы в стихи Евтушенко попали «собаки, ослы», «лужи, ошметки навоза», из архитектуры – мост Салазара и стадион, из литературы – цензор. Антиклерикальный пафос «Фатимы», думается, должен был дезавуировать пророчество 1917 г. о России, предвестившее Октябрьский переворот и трактовавшее распространение атеистической идеологии коммунизма как угрозу миру¹⁰. С помощью черно-белой гаммы, косвенно расцвеченной «ранами» и «кровью», Евтушенко реализовал метафоры «черной ночи» или «черных лет» фашизма. Собственно, здесь уместнее говорить не о поэтической, а о политической географии в стихах, как политической была и поздняя оценка: «Несвобода ли, свобода – / где, – попробуй выяви! / Я – на сцене Лиссабона, / запрещенный в Киеве». Можно предположить, что Португалия не оставила в творческом мире Евтушенко большого следа: в стихотворении 1974 г. и в «Волчьем паспорте» неточно указано время путешествия (1966 вместо 1967).

⁸ До революции в разных городах Российской империи функционировали трактиры «Лиссабон», один из которых запечатлен в «Петергофском празднике» Мятлева, а в ресторанах подавали «щи португальские».

⁹ Ср. реакцию русской периодической печати в эмиграции и СССР (Пресс-конференция Евтушенко, 1967; Успех советского поэта, 1967).

¹⁰ Позднее пророчество в Фатиме упомянул в поэме «Розы» А. Сергеев: «Матерь Божья также являлась в Фатиме / детям, не знавшим слова “Россия”...».

Не менее ангажированы «Стихи из Португалии» Е. Долматовского, включающие шестнадцать произведений с характерными заглавиями: «Грандула», «25 апреля 1974», «Мальчик, говорящий по-русски», «Вы жертвою пали», «В блокнот пропагандисту», «Бомба в Обществе дружбы» и др. В немалом по объему (более 600 строк) цикле увидеть страну и ее столицу непросто, поскольку внимание лирического героя приковано исключительно к революции:

*И рассматриваю я влюбленно,
Гость советский, человек седой,
На дворцах и башнях Лиссабона
Серп и молот с красною звездой.*

Описанные Долматовским португальцы почти лишены зрительного образа: «раскаленная толпа португальцев»; «седые португальские глаза и черные от кандалов запястья» Жоакина; «растрепанный мальчик» Педро; безымянный матрос с «рукой тяжелой»; «над глазами горячими брови его серебристы» у коммуниста; «короткая стрижка», «взгляд счастливый, наивные брови» и «латаные джинсы» восемнадцатилетней Мануэлы; «поседевший мальчишка» П. душ Сантуш Суариш и его не имеющая внешности жена М. да Кошта Диаш; «португальский жилистый мужик» – крестьянин в «колониальном желтом френче»; «роскошный португальский парень» матрос Феррейра; наконец, тореадор в расшитом золотом «малиновом камзоле». Как и в более ранних антиколониальных «Видении свободы» и «Балладе о могиле Магеллана», герои – скорее функции, чем художественные образы. Читатель, никогда не видевший Португалию и ее жителей, просто не сможет представить их по стихам Евтушенко и Долматовского. Для сравнения: посетивший Лиссабон в конце 1970-х гг. С. Баренц также отдал поэтический долг жертвам диктатуры, однако в его текстах нашлось место пейзажу, «старинному храму» и Камоэнсу.

В отличие от столицы, провинциальная Португалия запечатлелась в русской поэзии лишь беглыми зарисовками, однако в этом зеркале отразилась не только континентальная часть. Азорские острова, известные российским стихотворцам с XVIII в.¹¹, получили новый поэтический импульс благодаря Маяковскому. Если А. Сумароков и Ф. Сологуб упоминали конкретные острова Пику и Фаял, и А. Городницкий – конкретный город Понта-Делгада, то от афоризма «Вот и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова» берет начало традиция нерасчлененного названия Азор в контексте судьбы поэта (П. Коган, К. Левин).

Труднообъяснимо почти полное (за исключением Долматовского) стиховое невнимание к Мадейре, на которой бывали путешественники и деятели культуры и которая запечатлена в русской литературе, прежде всего, И. Гончаровым во «Фрегате “Паллада”» и К. Станюковичем в «Вокруг света на “Коршуне”» (Мильтяеш, 2012а). О посещении острова вспоминал также К. Романов, однако стихов о нем не оставил. Мадейра вошла в русскую лирику одноименным напитком:

¹¹ Документальные свидетельства португальско-российских литературных контактов, сохранившиеся в азорских архивах, относятся, в основном, к XX в. (Ковалев, 2020, с. 65–66, 70–73).

При дворе Императора Петра I вина Мадейры были известны, но малый объем их поставок, вызванный необходимостью импортировать вина из Португалии в Россию через третьи страны, не мог удовлетворить растущий спрос на благородный напиток. Так возникла идея производства на месте более дешевых аналогов, и так появился напиток под названием «царская мадера». [...] Так в России сформировалось двойственное представление о мадере. Одно из них было связано с литературным описанием благородного, высокого вина, производимого на сказочном острове. У многих же русских писателей (Н. Успенского, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, В. Крестовского, Н. Лескова, А. Чехова, М. Горького, В. Вересаева) мадера упоминается как образец плохого крепленого вина, как внешне «приличный» алкогольный напиток для «дам полусвета».

(Мильтязеш, 2012а, с. 53–54)

Оба значения отражены в дореволюционной и эмигрантской лирике; в СССР оригинальной мадеры не было, и советские поэты писали о местной.

Похоже сложилась поэтическая судьба портвейна. Царская Россия импортировала вино и производила собственное. Традиционное его наименование, но на французский лад, – в «Кафе» эмигранта Д. Кнута: «Бесплотные, безликие гарсоны / Несут нам – лунатически – порто». Советский Союз в отдельные периоды ввозил портвейн, однако выпускал под этим же названием столь низкокачественные дешевые суррогаты (например, «Портвейн 777» – «три семерки» в стихотворении Ю. Китаевича «ПортуГалия»), что в русский лексикон и лирику вошло уменьшительно-пренебрежительное «портвешок». В отличие от мадеры, литературное освоение которой началось в эпоху Пушкина и Жуковского, поэтическая летопись портвейна разворачивалась в XX в., преимущественно в контексте советского быта. Образы этих вин практически не связаны в русской лирике с Португалией.

Итак, в русской поэзии XVIII–XX вв. Португалия виделась обращенной к океану страной мореплавателей, великого поэта Камюэнса и, в основном, одного города – Лиссабона. Вследствие внелитературных причин, среди которых существенную роль играли географическая отдаленность и политические разногласия, она не входила в число регулярных маршрутов российских обывателей и деятелей культуры. С этим связана поздняя (произошедшая при значительном участии русской литературы эмиграции) трансформация из сугубо книжного пространства в место непосредственных впечатлений, порождающих стихотворные травелоги. Ситуация начала меняться в XXI в., с развитием постсоветского туризма и появлением в Португалии русскоязычной литературной диаспоры из стран бывшего СССР (Мельник, 2018)¹².

Литература

Августин (Никитин), архимандрит, 2006. В старинном Лиссабоне. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 7 (1), с. 168–185.

¹² В работе использованы материалы Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), Некоммерческой электронной библиотеки «ImWerden» (imwerden.de), Электронного архива зарубежья им. Андрея Синявского «Вторая литература» (vtoraya-literatura.com). Благодарим за помощь на разных этапах А.Я. Лапидус, Ж. Мильтязеша, Т.Ф. Нешумова, Т.А. Рогозовскую, А.Л. Соболева, Л.Б. Сумм, Р.Д. Тименчика, В.И. Хазана.

- Адамович, Г., 2003. Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова. *Диаспора: Новые материалы*, V. Санкт-Петербург: Феникс, с. 402–557.
- Андреев, В.Н., 2004а. Гонзага. *Пушкин. Исследования и материалы*, XVIII–XIX. Санкт-Петербург: Наука, с. 110–111.
- Андреев, В.Н., 2004б. Камознс. *Пушкин. Исследования и материалы*, XVIII–XIX. Санкт-Петербург: Наука, с. 161–162.
- Балашова, Т.В., 2002. *Камознс в русской литературе: Век восемнадцатый – век двадцатый*. Сост. и вступ. ст. Т.В. Балашовой. Москва: Рудомино.
- Вагеманс, Э., 2002. Литературно-философская интерпретация лиссабонского землетрясения: португало-франко-русская теодицея. *XVIII век*, 22. Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. Санкт-Петербург: Наука, с. 111–121.
- Вишняк, М., 1970. *Годы эмиграции, 1919–1969, Париж – Нью-Йорк (Воспоминания)*. Stanford: Hoover Institution Press.
- Глэд, Дж., 1991. *Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье*. Москва: Книжная палата.
- Грин, М., 1965. Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным. Подгот., предисл. и коммент. М. Грин. *Новый журнал*, 81, с. 110–147.
- Евтушенко, Е., 1962. Как нас арестовали в Лиссабоне. *Литературная газета*, 10 (23 января), с. 4.
- Ковалев, М.В., 2020. Россия в архивах Азорских островов. *Отечественные архивы*, 5, с. 63–75.
- Козлов, И.И., 1960. *Полное собрание стихотворений*. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.Д. Глигмана. Ленинград: Сов. писатель.
- Лозинский, Г., 1922. По поводу одного стихотворения Анны Ахматовой. *Голос России*, 27 августа.
- Мельник, А., 2018. На западе Запада (Русская поэзия в Португалии). *Русская поэзия за пределами России: XXI в.* Сост. А.В. Мельник. Львѣж: Эмигрантская лира, с. 299–309.
- Мильязеш, Ж., Мильязеш, С., 2012а. *Мадейра: «Погреб мой гостеприимный Рад мадере золотой...»*. Lisboa: Alêtheia Editores.
- Мильязеш, Ж., Мильязеш, С., 2012б. *Португалия: «Здесь русский дух...» Лиссабон*. Lisboa: Alêtheia Editores.
- Мрочковская-Балашова, С., 2011. Дипломат Рафаэль Геррейро – воскрешение памяти. *Международная жизнь*, 9, с. 130–146.
- Овчаренко, О.А., 2018. Биография Камознса: мифы и реальность. *Биография в истории культуры*. Сост. и отв. ред. Е.В. Иванова. Москва: Рутения, с. 106–114.
- Перелешин, В., 1975. [Рец. на кн.] Португальская поэзия XX века. Перевод с португальского. Художественная литература. Москва, 1974. *Новый журнал*, 121, с. 292–294.
- Перелешин, В., 2003. Письма И. Чиннова. *Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова*. Сост. и вступ. ст. О.Ф. Кузнецовой. Москва: ИМЛИ РАН, с. 640–659.
- Прегель, А., 2018. *Автобиография души... Сост. Ю. Гаухман, А. Рюмин; Предисл. Ю. Гаухман*. Москва: Русский путь.
- Пресс-конференция Евтушенко, 1967. Пресс-конференция «паломника» Е. Евтушенко в Лиссабоне. *Посев*, 20 (19 мая), с. 1.
- Современные записки, 2011–2012. *«Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции*. Под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение. Т. 1, 2.
- Успех советского поэта, 1967. Успех советского поэта. *Иностранная литература*, 11, с. 282.
- Шѣнле, А., 2009. Эстетика стихийного бедствия у Богдановича и его перевод «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера. *Гыняновский сборник*, 13. Москва: Водолей, с. 29–41.
- Щепкина-Куперник, Т.Л., 1966. *Разрозненные страницы*. Сост. и подгот. текстов Н. Селихова. Москва: Худож. литература.
- Ievtuchenko, E., 1967. *Ievtuchenko em Lisboa: Poemas do Recital (livro e disco)*. Lisboa: Publicações Dom Quixote.
- Kandel, B.L., 1970. Camoëns dans la littérature russe: Aperçu historique-bibliographique (trad. du rus. par A. Zviguilsky). *Revue de littérature comparée*, XLIV, 4, pp. 509–531.
- Khoklova, I., 2011. Receção de Camões na Literatura Russa. *Dicionário de Luís de Camões*. Coord. de V. Aguiar e Silva. Alfragide: Editorial Caminho, pp. 824–832.

References

- Adamovitch, G., 2003. Sto pisem Georgiya Adamovicha k Yuriyu Ivasku (1935–1961). [Georges Adamovitch's 100 letters to George Ivask (1935–1961)]. Foreword, publ. and comment by N.A. Bogomolov. In: *Diaspora: Novye materialy*, 5. St. Petersburg: Fenix Print, pp. 402–557.
- Andreev, V.N., 2004a. Gonzaga. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy*, 18–19. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 110–111.
- Andreev, V.N., 2004b. Kamoens. [Camões]. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy*, 18–19. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 161–162.
- Avgustin (Nikitin), archimandrite, 2006. V starinnoe Lissabone. [In ancient Lisbon]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 7 (1), pp. 168–185.
- Balashova, T.V., 2002. Kamoens v russkoi literature: Vek vosemnadtsatyi – vek dvadtsatyi. [Camões in Russian literature: The eighteenth century – the twentieth century]. Compil. and article by T.V. Balashova. Moscow: Rudomino Publ.
- Evtushenko, E., 1962. Kak nas arestovali v Lissabone. [How we were arrested in Lisbon]. *Literaturnaya gazeta*, 10 (23 January), p. 4.
- Glad, J., 1991. *Besedy v izgnanii: russkoe literaturnoe zarubezh'e*. [Conversations in exile: Russian writers abroad]. Moscow: Knizhnaya Palata Publ.
- Greene, M., 1965. Pis'ma M.A. Aldanova k I.A. i V.N. Buninym. [Letters from M.A. Aldanov to I.A. & V.N. Bunins]. Preparation, foreword and comment by M. Greene. In: *The New Review*, 81, pp. 110–147.
- Ievtuchenko, E., 1967. *Ievtuchenko em Lisboa: Poemas do Recital (livro e disco)*. [Evtushenko in Lisbon: Poems from the Recital (book and album)]. Lisbon: Publicações Dom Quixote.
- Kandel, B.L., 1970. Camoens dans la littérature russe: Aperçu historico-bibliographique. [Camões in Russian literature: Historical-bibliographical overview]. In: *Revue de littérature comparée*, XLIV (4), pp. 509–531.
- Khoklova, I., 2011. Recepção de Camões na Literatura Russa. [Reception of Camões in Russian Literature]. In: *Dicionário de Luís de Camões*. [Dictionary of Luís de Camões]. Coord. by V. Aguiar e Silva. Alfragide: Editorial Caminho, pp. 824–832.
- Kovalev, M.V., 2020. Rossika v arkhivakh Azorskikh ostrovov. [Rossica in the archives of the Azores]. In: *Otechestvennye arkhivy*, 5, pp. 63–75.
- Kozlov, I.I., 1960. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy*. [Complete collection of poems]. Article, preparation of the text, notes by I.D. Glikman. Leningrad: Sovetskii Pisatel' Publ.
- Lozinsky, G., 1922. Po povodu odnogo stikhotvoreniya Anny Akhmatovoi. [Concerning one poem by Anna Akhmatova]. *Golos Rossii*, 27 August.
- Melnik, A., 2018. Na zapade Zapada (Russkaya poeziya v Portugaliy). [In the West of the West (Russian poetry in Portugal)]. In: *Russkaya poeziya za predelami Rossii: XXI vek*. [Russian poetry outside of Russia: 21st century]. Compil. by A.V. Melnik. Liège: Emigrantskaya Lira Publ., pp. 299–309.
- Milhazes, J., Milhazes, S., 2012a. *Madeira: "Pogreb moi gostepriimnyi Rad madere zolotoi..."*. [Madeira: "My hospitable cellar is glad to golden Madeira wine..."]. Lisbon: Alêtheia Editores.
- Milhazes, J., Milhazes, S., 2012b. *Portugaliya: "Zdes' russkii dukh..."*. *Lissabon*. [Portugal: "Here is the Russian spirit..."]. Lisbon: Alêtheia Editores.
- Mrochkovskaya-Balashova, S., 2011. Rafael Guerreiro da Cruz: A Portuguese Diplomat at the Russian Emperor's Court. In: *International Affairs*, 57 (6), pp. 176–190.
- Ovcharenko, O.A., 2018. Biografiya Kamoensa: mify i real'nost'. [Camões' biography: a myth and reality]. In: *Biografiya v istorii kul'tury*. [Biography in the history of culture]. Compil. and executive ed. E.V. Ivanova. Moscow: Ruthenia Publ., pp. 106–114.
- Pereleshin, V., 1975. [Review:] Portugal'skaya poeziya XX veka. Pervod s portugal'skogo. Khudozhestvennaya literatura. Moskva, 1974. [Portuguese poetry of the 20th century. Translated from Portuguese. Khudozhestvennaya literatura. Moscow, 1974]. In: *The New Review*, 121, pp. 292–294.
- Pereleshin, V., 2003. Pis'ma I. Chinnovu. [Letters to I. Chinnov]. In: *Pis'ma zapreshchemykh lyudei. Literatura i zhizn' emigratsii. 1950–1980-e gody: Po materialam arkhiva I.V. Chinnova*. [Letters from forbidden people. Literature and life of emigration. 1950s–1980s: Based on the Archive of I.V. Chinnov]. Compil. and article by O.F. Kuznetsova. Moscow: IWL RAS Publ., pp. 640–659.

- Pregel, A., 2018. *Avtobiografiya dushi...* [Autobiography of the Soul...]. Compil. by J. Gauchman, A. Ryumin; foreword by J. Gauchman. Moscow: Russkiy Put' Publ.
- Press-konferentsiya "palomnika" E. Evtushenko v Lissabone, 1967. [Press conference of the "pilgrim" E. Evtushenko in Lisbon]. *Possev*, 20 (19 May), p. 1.
- Schönle, A., 2009. Estetika stikhiinogo bedstviya u Bogdanovicha i ego perevod "Poemy na razrushenie Lissabona" Vol'tera. [Bogdanovich's Aesthetics of Natural Disaster and His Translation of Voltaire's "Poem on the Destruction of Lisbon"]. In: *Tynyanovskii sbornik*, 13. Moscow: Vodoley Publ., pp. 29–41.
- Shchepkina-Kupernik, T.L., 1966. *Razroznennye stranitsy*. [Scattered pages]. Comp. and prepar. of the text by N. Selikhov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
- Sovremennye zapiski, 2011–2012. "*Sovremennye zapiski*" (Parizh, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii*. [O. Korostelev, M. Schrub, eds. "Sovremennye zapiski" (Paris, 1920–1940). From the archive of the editorial office]. Moscow: New Literary Observer Publ. House. Vols. 1, 2.
- Uspekhn sovetskogo poeta. [The success of the Soviet poet], 1967. In: *Inostrannaya literatura*, 11, p. 282.
- Vichniak, M., 1970. *Gody emigratsii, 1919–1969, Parizh – N'yu-Iork (Vospominaniya)*. [Years of emigration, 1919–1969, Paris – New-York (Memories)]. Stanford: Hoover Institution Press.
- Waegemans, E., 2002. Literaturno-filosofskaya interpretatsiya lissabonskogo zemletryaseniya: portugalo-franko-russkaya teoditsey. [Literary and philosophical interpretation of the Lisbon earthquake: Portuguese-Franco-Russian theodicy]. In: N.D. Kochetkova, ed. *XVIII vek [18th century]*, 22. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 111–121.